

СУХОТИН М.А.

Содружество специалиста и родителей в телесно-ориентированной педагогике

Я хотел бы описать опыт моей работы с одним особым ребенком. Мне представляется, что он убедительно показывает, насколько эффективным может быть подключение взаимодействия ребенка с его родителями на развивающих занятиях.

Большинство упражнений были придуманы мной специально для этого ребенка, но я думаю, что при схожих задачах они могут оказаться полезными как для других педагогов, так и для родителей, занимающихся со своими детьми.

ПЕРВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Любе 11 лет. Она развитая, немного аморфная светловолосая красивая девочка. Всегда нарядно одета. Учится в школе VIII-го вида. На первичном приеме в Культурно-досуговом центре «Триада»,

где я работаю под руководством Е.В. Максимовой, сразу стало ясно, что это ребенок с трудностями социальной адаптации.

Люба избегала любых, даже случайных, телесных соприкосновений. Именно поэтому характер ее чувствительности мне удалось выяснить не сразу. Очень выраженную реакцию страха дала моя попытка прислониться спиной к ее спине: она не воспринимала пространства за спиной, пугалась его непредсказуемости.

Быстрые и решительные перемены ее позы в пространстве также пугали ее. Несмотря на то, что мой взгляд Люба находила легко, сама она взгляд в основном прятала, только ненадолго испуганно бросая его на то, что привлекло внимание. Кроме того, у девочки присутствовали трудности зрительно-моторной координации.

Других детей Люба замечала, некоторые из них ее очень интересовали, но она неизменно выдерживала дистанцию: без

прикосновений. Так, посещая одно время специальную группу в бассейне, она видела там своего ровесника Андрея. Она рассказала мне о нем, хотя сама никогда с ним не общалась.

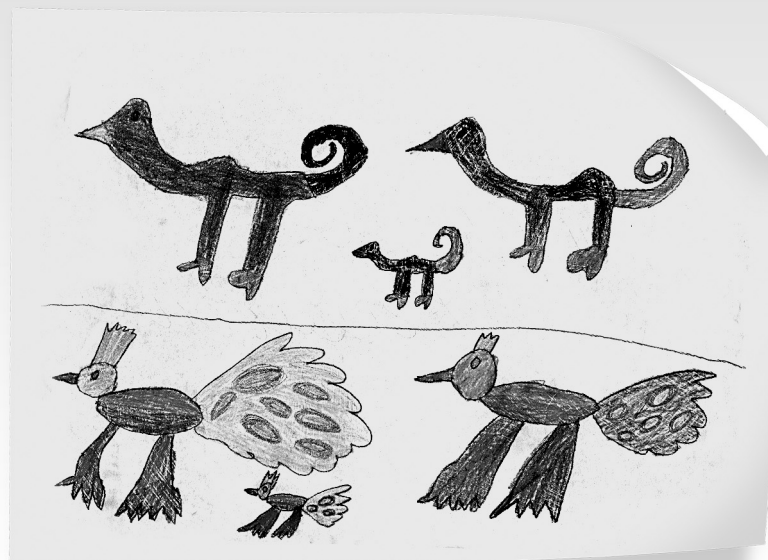
Люба очень зависима от стереотипов: в речи по многу раз подряд повторяла одни и те же «летучие» фразы из папиного лексикона, рисовала единственный образ — домик. Да у нее и был такой единственный «домик»-убежище в жизни, обеспечивающее ее недоступность для всех остальных. Им были родители. Но поскольку папу Любы я видел только раз, мне пришлось иметь дело с мамой. Она сразу произвела на меня впечатление волевого и много пережившего человека, научившегося перемогаться в жизни с этой их семейной проблемой. Казалось, она всегда готова была отстаивать права дочери, защищать от агрессии окружающего мира. И, конечно, Люба не могла этого не ощущать в своем «домике». Видно было, что связь между ними очень глубокая, но я чувствовал все время какую-то дистанцию между ними, отстраненность.

Характер эмоционального реагирования ребенка оказывался почти всегда бурным (крики, вытье, плевки, быстрые «встряхивания» руками). Эмоциональная усталость сбрасывалась погружением в младенческие переживания: сосанием большого пальца. После первого же занятия, выйдя из комнаты, она сразу стала так успокаиваться, подсев и прижавшись к маме в коридоре.

Пространство Люба воспринимала очень скомкано: движения становились более или менее свободными только рядом с мамой. Наедине со мной попасть ракеткой по шарикку Люба не могла (хоть и хотела), мяч ловила только с очень близкого расстояния. Присутствие мамы заметно улучшало дело: отношения с пространством немного выправлялись.

Хотя речь Любы, когда она не была стереотипом, была отрывочной и краткой (меня не оставляло ощущение, что

ОСОБЫЕ ДЕТИ – ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА МИР

это все обрывки гораздо более развернутой внутренней речи, просто «скомканной», как и ее восприятие пространства), она оказалась чуткой к моим речевым интонациям. Это выяснилось при просмотре диафильма: она сама начинала подкручивать новый кадр пленки без моей команды, ориентируясь, в основном, на мои интонации при чтении (текст диафильма был сложноват и не очень понятен для нее).

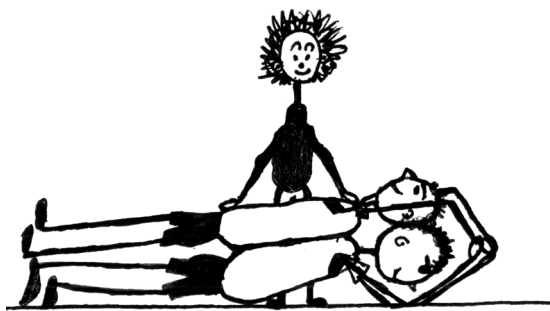
Поскольку занятия живописью также помогают работе с телом, осознанию человеком себя и мира, решено было Любу обучать рисованию. Она хорошо улавливала схему моего рисунка. Только вот свой ей было сделать трудно: не хотела знать никаких границ (перематывая кадры диафильма, она тоже никак не могла точно попасть на границу следующего кадра и вовремя остановиться — все время «проскакивала» дальше).

Любу попробовали водить в группу, где кроме нее рисованием занимались 5-6 детей примерно ее возраста. Но использование карандашей и красок представляло собой бесконтрольное выплескивание эмоций как в переносном, так и в прямом смысле: разведенная в воде акварель выливалась на окружающих, краски Люба хватала руками и мазала ими стены и саму себя, карандашами просто покрывала любые поверхности. Это затрудняло ее занятия в группе. От них пришлось отказаться.

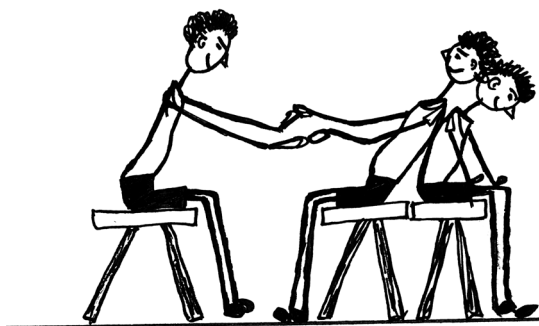
НАШИ ЗАНЯТИЯ

1. Мне представлялось главным, едва ли не ключевым в подходе к Любе, выйти на ее телесное доверие. Как я уже писал, из известных мне людей прикасаться к себе спокойно она позволяла только маме. Мама согласилась помочь нам, и дальнейшая работа проводилась втроем: мама ложилась на пол спиной кверху, на

ее спину ложилась Люба своей спиной. Люба давала маме свои руки, и они крепко, насколько могли, по моей просьбе сжимали ладони друг другу. Я же сверху основаниями ладоней оказывал давление на Любины плечи, кости таза и колени (часто по диагонали) в направлении их точек опоры. В таком положении она позволяла мне это делать.

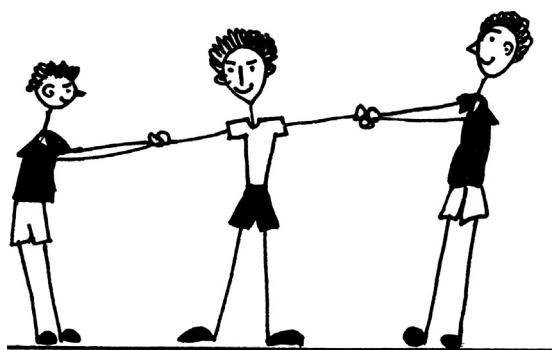
Потом, сидя, мы играли в «бурю»: сидели втроем на табуретки в одну линию, Люба с мамой прижимались друг к другу спинами, а ко мне Люба оказывалась лицом.

Мы начинали раскачиваться в такт «волн» вдоль той линии, по которой сидели, вначале плавно, а потом, насколько это было допустимо, — порывистей и интенсивней. Я старался, чтобы Люба, играя, толкала маму спиной именно сама, а не только потому, что я сообщаю ей это движение в направлении мамы. Потом

мы с мамой менялись местами, и эта задача уже была для Любы сложнее: толкать своей спиной мою спину – слишком острые ощущения, даже если мама сидит перед ней лицом к лицу. Но, насколько возможно, мы регулировали силу и время раскачивания, а кроме того старались захватить Любу процессом игры, опередить ее реакции (действие проходило в быстром темпе): изображали шум ветра и волн, давали ей «весла» в руки, вычерпывали воду, искали взглядом вдаль «берег», но всегда доплывали до него, и все кончалось благополучно. Это упражнение в большой степени было импровизацией и продолжалось ровно столько, сколько удавалось удержать Любу в игре.

Еще мы с мамой тянули Любу за руки в противоположные стороны, а также просили ее с кем-то из нас тянуть третьего.

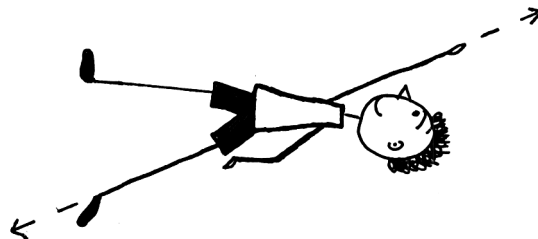

Скоро я уже мог работать с ней один на один.

2. Кроме работы с мамой мы еще пытались заниматься растяжками, чтобы Любе легче было управлять своим телом. После диагональных растяжек пластичность повышалась, скованность движений становилась меньше. Люба лежала на полу лицом вниз, а мы немного тянули ее по диагонали (правая рука – левая нога, и наоборот: левая рука – правая нога) так, чтобы векторы приложенных сил лежали на одной прямой.

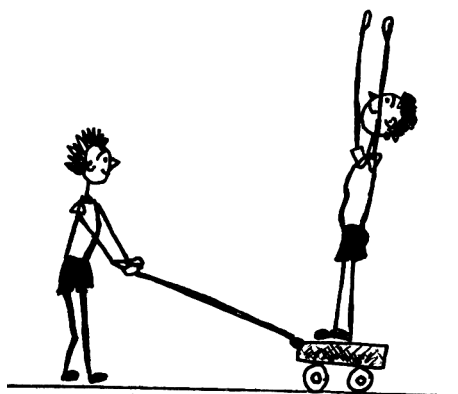
Растяжка продолжалась до тех пор, пока ребенок не отвечал обратной «стяжкой» в противоположных направлениях,

когда задействованными оказываются глубокие мышцы позвоночника, что помогает развитию вестибулярных функций.

Люба все больше открывалась навстречу окружающему ее пространству в противоположность своему обычаю убежать и закрыться от него. Напряженность спадала, пространство становилось ей доступнее.

Мы также делали упражнения на умение держать равновесие. Люба вставала на тележку (60 см x 60 см) с тремя колесиками, прикрученными снизу примерно по форме равностороннего треугольника. Я тянул тележку за собой на веревке, а Люба в это время поднимала руки и тянулась за ними взглядом, показывая «как дерево растет» или «какие есть на небе звезды». То есть я опять пытался захватить ее внимание быстрым темпом речи в игровом сюжете. Пока Люба меня слушала, она совершала рискованные в обычной ситуации действия, думаю, она попросту забывала о риске в этот момент.

ОСОБЫЕ ДЕТИ – ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД НА МИР

Первые несколько занятий я тянул тележку очень медленно, только потом понемногу стал увеличивать скорость. Но для того чтобы выпрямиться в движении, и не надо больших скоростей. Люба, понемногу вытягиваясь, успевала почувствовать свое тело. Насколько могла – открывалась пространству. А пространство открывалось ей.

Еще Люба старалась удерживать равновесие, стоя на лавочке, с которой я пробовал ее столкнуть, прикладывая усилия к разным точкам ее тела и быстро меняя их в разных направлениях. Это тоже было воспринято ею как игра с заданием «Не упасть!» Ей даже нравилось самой повторять этот императив перед упражнением, назидательно поднимая указательный палец. Иногда, если она готова была свалиться, я поддерживал ее.

3. Теперь я опишу наши занятия рисованием. Основной их тенденцией можно считать упорядочивание и структурирование. Мы шли от уровня знаков и схем к свободному проявлению творческой воли и фантазии.

От занятия к занятию рисовали один ветвящийся сюжет путешествия на поезде. Рисовали на бумаге, расклеенной сплошной полосой на стенах по периметру комнаты. От станции – к станции. Если попадались дома, то от этажа – к этажу. Я старался дать возможность Любе обговорить и обозначить любые структуры, любые конструкции, близкие к схемам. При этом поощрялось ее желание вести рассказ, вводить в сюжет новых персонажей. Сам поезд и герои-путешественники были вырезаны из картона и могли приклеиваться-отклеиваться пластилином в любой точке пути по нашему усмотрению. Например, можно было вернуться к уже нарисованной на прошлом занятии ситуации, чтобы вспомнить ее или разыграть ее по-новому.

Особое внимание мы уделяли контурам изображений, стараясь закрашивать образ, не выходя за его границы. Сначала

Люба это задание восприняла как стереотип, потом стала играть в «За границы не заходить!». Я поддерживал ее руку под локоть. У нее появилось больше двигательных возможностей при рисовании, стало лучше и лучше получаться закрашивание образа внутри контура.

Мы специально уходили от плоского неподвижного изображения на бумаге к переносным картонным ready-made, а от них — к объемному изображению. Персонажами рисунков стали вылепленные из пластилина образы. Наконец эти образы-скульптуры стали «отделяться» от рисунков и «вошли» в само пространство комнаты. Например, объемный Андрей прыгал с картины в бассейн — специально установленный на полу таз с водой. Получился такой переход от рисунка в игровое пространство комнаты. Тогда-то мы и пригласили на занятие Андрея. Не имея с ним до этого никаких личных контактов, вначале приняв его как образ в игре, Люба беспрепятственно приняла его и в качестве живого человека. Она была предупреждена и ждала встречи. Дети представились, дотронувшись друг до друга пальчиками, и сразу же стали смотреть фильм, снятый Андреем на фотоаппарат, снимать друг друга, а потом рисовать вместе. Место страхов занял интерес к общению.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. После толкания спинами Люба освоила пространство за спиной: она захотела везде возить **за собой** машинку на веревочке, смущая родных: ведь ей уже 11 лет. Эта сопутствующая ей машинка — также и следствие наших занятий рисованием, где основным образом был поезд.

2. При взаимном давлении с мамой друг на друга, Люба лучше почувствовала пространственные границы собственного тела. Это совпало с заметным улучшением в соблюдении контуров при закра-

шивании и, с другой стороны, — с обострившимся восприятием границ собственного поведения. Она начала постоянно повторять, что она **может** делать, а чего ей делать **нельзя**, вспоминала свои плохие поступки и неудачи, которые повторять **не хочется**. Так на одном занятии они вместе с Андреем «поставили в угол» хулиганов, разрисовав весь угол комнаты тем, **что делать нельзя**. Моя задача была только в том, чтобы отделить друг от друга сюжеты четкими и жирными границами. Получились 3 хулигана: у Андрея хулиган № 1 «из рогатки стрелял», а у Любы № 2 — «воду на пол разлил» и № 3 — «книги рвал» (внизу подпись: «Евангелие порвано»).

3. Люба стала не только острее воспринимать поведенческие границы, но и упорядочивать сами наши занятия. После работы с телом и перед тем как рисовать она стала тщательно расставлять все вещи в комнате на свои места, хотя **ее об этом никто не просил**.

4. Контактность Любы заметно выросла. Приходя на занятие, она по собственному почину начала, хоть и бегло, рассказывать мне о своих последних новостях. Она перестала дергаться от любых прикосновений (во время рисования она часто, увлекшись, совершенно спокойно держала меня за руку). Заметно снизились крики в ответ на любой отрицательный раздражитель. Она охотно стала заниматься вместе с Андреем, даже общаться с ним один на один без моего посредничества.

5. Общаясь с Андреем, Люба проявила интерес к театрализации и лицедейству. Рассказывая Андрею, что видела на улице собаку, она показывала, повалившись на спину, как та каталась по земле, изображала как дует ветер, как ходит и рычит большой медведь. Люба часто демонстрировала мне «меня»: одевшись в мою куртку, делала вид, что «дядя Миша пришел на занятия», то есть также контролировала себя со стороны, считывая чужую эмоцию. Вероятно, это тоже явилось

следствием не только занятий рисованием, но и телесной терапии. Ведь до того как она почувствовала свое тело и соотнесла его с окружением (неслучайным представляется одевание куртки: она обозначала для Любы осознанные границы собственного тела), игровое пространство комнаты не могло быть ею обжито, и Любин артистизм просто не мог выйти наружу.

Сейчас Люба способна к групповым занятиям. Вернулась в группу рисования, занималась танцами вместе с еще одним ребенком. Этим летом она успешно и без помощи родителей выполняла коллек-

тивную работу на послушании в детском православном лагере в Давыдово, общаясь там с Андреем, приехавшим в то же время.

ВЫВОД

На каждом занятии мы вначале вместе с родителем занимались телом ребенка, а уже потом рисовали. Такая структура представляется мне очень оправданной: именно работа с телом поддержала вторую часть занятий и дала хорошие результаты в развитии ребенка с помощью рисования. ■

Литература

1. Бернштейн Н.А. О построении движений. — М.: Медгиз, 1947.
2. Максимова Е.В. Уровни общения. Причины возникновения раннего детского аутизма и его коррекция на основе теории Н.А. Бернштейна. — М.: Издательство «Диалог-МИФИ», 2008.
3. Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. — М.: АCADEMIA, 2002.